

Любой, кто пытался им противостоять, был жестоко подавлен, и именно по этой причине никто не восставал против них. Сириус знал, что это не имело ничего общего с уважением или каким-либо почтением. Их боялись, и тот ужас, который они внушали, они превращали в силу.

Сириус не мог вспомнить ни одного правителя из своей семьи, который когда-либо пользовался бы популярностью у народа, и как только кто-то осмеливался выйти за рамки дозволенного, этот человек вскоре таинственно исчезал и вычеркивался из родословного древа.

Так случилось с его дядей по материнской линии, Альфардом, и Сириус был тогда слишком мал, чтобы помнить это, но он был достаточно взрослым, чтобы знать, что в какой-то момент его дядя просто перестал появляться при дворе, и когда он спросил мать, когда снова увидит его, она лишь посмотрела на него своими темными, холодными глазами и властно ответила, что у него нет дяди.

Все, кто, по мнению Вальбурги, отличался от остальных или был слишком слаб, были уничтожены, и Сириус знал, что его не постигла та же участь только потому, что он был первым в очереди на трон.

И сегодня это будет официально подтверждено. Сириус, стоявший у окна и смотревший вниз во двор, где уже толпились гости, сглотнул и попытался глубоко вдохнуть. В горле пересохло, и он был почти уверен, что если не будет продолжать концентрироваться на дыхании, то его наверняка вырвет после завтрака.

Он был к этому совершенно не готов, ни в малейшей степени. Он не был готов стать принцем Уэльским, да и не думал, что когда-либо будет готов стать королём.

Сириус отказывался верить, что судьба действительно предопределила ему этот путь, поскольку был совершенно уверен, что в мире нет никого более неподходящего для управления страной, чем он. Хотя, возможно, исключением был прадед, его тёзка. Всё, чего он добился за своё короткое правление, — это война с Францией. И всё же Сириус не считал себя хорошим правителем.

Он был импульсивным, безрассудным, совершенно не разбирался в политике и любил нарушать правила.

Несомненно, все эти качества были ужасны для будущего короля.

«Я не могу этого сделать...», — пробормотал он, отводя взгляд от окна и начиная расхаживать по комнате. Он нервничал много раз в жизни, но это было нечто за гранью разумного.

Казалось, желудок выворачивается наизнанку, руки потели, а высокий воротник камзола сжимался вокруг шеи, словно змея. Дрожащими руками Сириус схватил туго зашнурованную ткань и начал дергать ее, в нем нарастала паника.

Сердце заколотилось, пульс отдавался в ушах, словно барабанная дробь, а ноги задрожали так, что ему показалось, будто он вот-вот упадет.

Охваченный паническим страхом, Сириус не услышал стука в дверь и не заметил, как Регулус наконец-то заглянул в комнату.

"Сириус?"

"Я не могу этого сделать!", - крикнул Сириус в пустоту, еще не заметив присутствия младшего брата, пытаясь изо всех сил освободиться от стесняющей его одежды.

«Я не могу! Я не хочу!», — прошептал он в отчаянии, когда внезапно две холодные руки схватили его, и он посмотрел в глаза Регулуса, которые, в отличие от его собственных, были яркого серого, прохладного серебристого цвета, в то время как он унаследовал от дяди глубокие синие глаза.

«Всё в порядке, я здесь», — спокойно сказал Регулус, нежно сжимая руки Сириуса, и Сириус открыл рот, желая умолять брата о помощи, но тот понял без слов. Быстро и ловко он снял туго завязанный платок и расстегнул верхние пуговицы рубашки Сириуса. И Сириус судорожно глотнул воздух, словно вот-вот утонет.

«Лучше?» — спросил Регулус, и Сириус кивнул, медленно опускаясь на пол и прислоняясь спиной к одному из деревянных столбиков своей кровати с балдахином.

«Да...», — фыркнул он, и Регулус сел рядом с ним.

«Я же вчера говорил тебе не волноваться. Это всего лишь простая церемония. Тебе нужно сказать всего одну фразу, отец возложит тебе на голову корону, а потом ты будешь наслаждаться аплодисментами, вот и всё».

Сириус хрипло рассмеялся и закрыл глаза. - «Единственное, чем я буду наслаждаться, это когда всё это останется позади. Тогда я буду чувствовать себя так, будто меня готовят к возведению на эшафот», — саркастически ответил он, и Регулус закатил глаза.

«Не усугубляй ситуацию. Я знаю, ты нервничаешь, но для этого нет причин. Тебе же не нужно править Англией сразу после окончания церемонии».

«Нет, но однажды мне придётся, и я боюсь этого, Рег», — ответил Сириус, глядя на потолок своей комнаты. Он ненавидел эту комнату. Слишком много помпезности и показного шика, слишком много тяжёлой парчи и слишком много зелёного.

Единственное, что ему нравилось, — это небольшая, но очень богато украшенная резьба над дверным проёмом.

Его двоюродная бабушка Кределла в то время закрутила роман с простым человеком и публично объявила, что выйдет за него замуж до того, как они оба умерли при необъяснимых обстоятельствах.

Семья Сириуса действительно изо всех сил старалась стереть любые воспоминания о них, но им это не совсем удалось.

Комната Сириуса раньше принадлежала Кределле, и она вырезала свои инициалы и инициалы своего возлюбленного на дереве над дверью.

Безмолвное напоминание об их любви, которое не смогло стереть даже гнев его семьи.

«Сириус, я знаю, ты думаешь, что не сможешь этого сделать, но ты ошибаешься. Ты рожден быть королем», — сказал Регулус, положив руку ему на плечо, но Сириус покачал головой.

«Нет, я отказываюсь верить, что наше рождение определяет нашу судьбу».

<http://bllate.org/book/17847/1703235>